

УДК 82.1

Алла Полякова

ИРОНИЯ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

(на материале поэтического объединения
«Сибирский тракт»)

Статья посвящена анализу современного состояния поэтического дискурса. На примере творчества представителя объединения «Сибирский тракт» Д. Липатова показаны проявления состояния творческого сознания в условиях кризиса постмодернистской идеологии. Делается вывод о том, что возможным решением внутреннего разлома сознания является понимание бытия как трансцендентности состояний экзистенции, а себя и мира – как объекта иронического созерцания. Ирония трактуется как аксиологический инструмент литературной практики.

Ключевые слова: ироническое созерцание, кризис сознания, поиск решений.

У одного немецкого поэта – нашего современника – есть стихотворение «Рассказ почтальона», где описывается «коллекция из недоставленных открыток» [2]. В наше время бешеных скоростей и медиа-коммуникаций эта коллекция, наверняка не придуманная, на глазах становится музейной редкостью и своеобразным символом уходящей эпохи. Разными почерками – от витиевато-аристократических до формально-скупых – люди обмениваются сообщениями. Это приветы из отпуска; доносы на неверных мужей, печатными буквами, для конспирации; обыденность типа: не забудь выключить газ. Но одна открытка, облетевшая весь мир, имела такой текст, написанный без запятых: «простить нельзя разводиться». Ситуация оказалась в высшей степени ироничной. Ее ирония – с оттенком трагичности – заключалась не только в том, что посыл, задуманный изначально как весьма значимый, не дошел до адресата, но и в том, что, если бы даже и дошел, он, в противоположность известной с детства дидактически-поучительной фразе «казнить нельзя помиловать», остался бы нерасшифрованным. Более того, поэт, для которого эта фраза явилась предметом поэтической рефлексии, также не принял никакого внешне выраженного участия в толковании ситуации, и она пришла к читателю в виде интенции для раздумий.

Эта двойная или, по большому счету, тройная – учитывая читательскую составную, – ирония, порожденная несовпадением ожидания и результата, могла бы символизировать состояние и суть современного поэтического

дискурса. В рамках Дня мировой поэзии, отмечавшегося Юнеско в 2005 году, был проведен мониторинг. Он показал, что половина опрошенных уже давно не читает стихов, а две третьих двадцатилетних не читали их никогда. Как же существует в таких условиях поэзия? Каковы ее искания и пути развития? Каковы точки фиксации ее внимания? Что несет она миру и человечеству? И каково нынешнее, читай – постмодернистское состояние творческого сознания? Ответить на эти вопросы в рамках короткой статьи вряд ли удастся, потому что цель данной работы – провести разведку в области современного состояния литературно-поэтической мысли и исследовать ее ироническую составляющую как одно из идейно-художественных и аксиологических средств.

Материалами для раздумий, а также источником и предметом представляемых исследований стало малоизученное творчество некоторых представителей объединения русскоязычных поэтов «Сибирский тракт». Уже название группы вызвало размышления, имеющие, естественно, целенаправленный характер. Первые ассоциации слова «тракт» связаны с путем, по которому каторжники в царской России двигались в сибирскую ссылку. Такая трактовка была бы весьма многообещающей для исследователя поэтического творчества – она могла бы послужить узловым метафорой для обозначения несравнимой трудности, глубины и трагичности поэтического труда наших современников. Но в следующий момент критическое начало сознания приводит контр довод: то был Владимирский тракт, тогда как этот – Сибирский. Справка: «Сибирский тракт – длинный и в то же время – самый короткий путь, по которому из Китая в Россию везли товары, прежде всего, чай. Его строительство было начато в 1730 г. и закончено только в середине девятнадцатого века». Такое определение никак не тянет на метафору и, в любом случае, не дает представления о творческой сути группы. Объяснение, данное одним из действительных членов объединения, оказалось достаточно прозаичным: поэты, решившие объединиться под одной творческой крышей, живут в городах и местностях, расположенных вдоль этого, теперь уже существующего как Транссибирская магистраль, пути. Однако право литературоведа усматривать в этом названии ироническую претензию на масштабность замыслов группы остается за мной.

Поэты современности оказались в ловушке этой современности. Постмодернистская реальность, потерпевшая сокрушительный удар с разрушением символа постмодернистской эпохи – нью-йоркских башен-близнецов, пытается осознать себя, в том числе и в поэтической форме. Поэтическая рефлексия, находящая отражение в материальном творчестве, часто остается существующей в электронном издании, в форме, например,

Живого журнала, в ожидании своего читателя, которого зачастую подолгу не бывает. Поэт Денис Липатов говорит об этом, нарочито радуясь в предисловии к одной из серий стихов, что можно писать, чего душа пожелает, не боясь, что кто-то осудит, – просто потому, что судить некому. Но душа желает, а потому пишется. О чем? – О болезни, о погоде, об отставке, об отпуске, о том, как страшно представить себя за решеткой (отзвук тюремной лирики угадывается у всех мужчин-поэтов этой группы), о творчестве, о природе [3].

Один из последних сборников автора имеет название, легко дешифруемое: «Поэтика лестничных клеток» (2014). Герои этих стихов не знают жизни в особняках – она для кино; этот народ живет в высотках без консьержки. Эстетика бытия таких домов естественно принижена, и в классические времена она не могла быть достойной внимания поэта. Здесь – «...эхом любой разговор: Кухонная ругань соседок, Гитарный хмельной перебор. Гуляют ли проводы, встречи — Готовы всегда за ножи, И речь обрастает заречьем, Свои громоздя этажи». Только носитель современной русско-славянской культуры знает, что кроется за этим эпитетом «многоэтажная» по отношению к слову «речь», и только нижегородцу понятна речевая характеристика «заречья». Низовая культура многоэтажек, где, по выражению иностранца, «езде соседи – ужас!», только светлomu взгляду творческой личности может нести поэтическое настроение: «Выйдешь курить на площадку... Что видишь? В оконном углу Край неба, что божно облатку»... Кажется, можно вздохнуть и расправить плечи – ведь так хочется гармонии. Но не тут-то было: к «углу» подходит такая рифма: «А ниже — плевки на полу». Тут можно было бы поставить точку. Все понятно с поэтикой многоэтажек. Но ирония в том, что там живет поэт. Возникает вопрос: он что, тоже – элемент этой культуры или просто притворяется, просто играет роль? Но притворяться вечно не получается. И вот мы становимся свидетелями внутренней драмы: «И чем же спастись в этих стенах, Что выдумать про себя? И просится в рифму «застенок», Едва тишину пригубя. Зачем эти поздние бредни? Зачем этот пресный стишок? Зачем, как ненужный наследник, Ты в каменный заперт мешок?» И это – финал стиха. Идея разлома внутреннего ожидания и внешней правды бытия проявлена абсолютно явно. Разлома, по сути, трагического. Какой может быть выход, чтобы сохранить себя как личность и как поэта?

Путь один – ироническое понимание трансцендентности бытований, трактование себя как объекта иронического созерцания. Так и случается: в стихотворении «Поэтик» автор констатирует факт, что стал бытовым алкоголиком – «такая вот, парни, фигня». И стихи приходят после чекушечки, и удачно рифмуются «посошок – стишок». А как же высокое

предназначение? Увы, вот так: «Ангел с орбиты глядит. И думает: бесполезный расхаживает индивид». Самоирония становится неотъемлемой частью общего трагико-иронического взгляда на мир, который не в состоянии дать поэту ощущение полноты бытия.

Для возможного, внешне проявленного спасения, поэт прибегает к перечислению гаммы возможностей, представленных современными реалиями: «Если хочешь – будь реалистом, если хочешь – будь вокалистом...» далее идут: моралистом, футболистом, шахматистом, каратистом, пианистом, поэтом Капнистом, юристом и т. д. Реалии узнаются в ироничных словосочетаниях: обобщенно-узнаваемом «гайдаром-экономистом» (с маленькой буквы), нарочито парадоксальном «гламурным фашистом», реалистично-оценочном «беспонтово совсем трактористом или гипсовым там горнистом». Совсем неожиданно, с претензией на некий сюр-: «Можешь даже в желудке глистом говорить на французском чистом».

Другие возможности для спасения – сопоставление себя и своих внутренних состояний с бытийными проявлениями известных личностей, что, кстати, не просто свидетельствует о существенной начитанности и высокой культуре молодого автора, но и его естественной внутренней готовности причисления себя к поэтическому бомонду прошлых лет. В стихе «В этот отпуск» поэт, точнее, его лирический герой решил остаться дома, поскольку «в душе накопилась истома». Предвкушаемые состояния, иронично осмысленные, – возможные вехи на пути к спасению: «Буду, словно Языков в пушистом халате, развалясь на подушках, слагать стихи, словно Дельвиг Антон, закурю в кровати, словно И. А. Крылов – захочу ухи. Кюхельбекером выйду на улицу кашлять, возмнив о себе, стану строго судить: никакие не след нам с правительством шашни На коротком веку на своем заводить». Поэт пытается привлечь в соучастницы построения мифического действия и осень: «Разве, осень, и ты – прокричу – не подруга, разве мы не найдем с тобой общий язык? Золотая моя, окажи мне услугу – в золотую орду свою выправь ярлык». Золотой, волшебный мир, иное – идеальное – место, где правит осень, – вот тот возможный мир, в котором можно укрыться от реалий объективной реальности. Однако «...нет ответа – ни ой-ли, ни аюшки, не найдем, значит, общего языка, вот ходишь себе, как помешанный Батюшков, непонятное что-то мычишь в облака».

В сборнике «Астерион», кроме рассмотренных, есть также другие стихи, отличающиеся – весьма в духе постулатов постмодернизма – вниманием к повседневности: «Семейная ссора», «После ресторанчика», «В Пушкинском музее», «Рассуждает о Чехове дама». Но, бунтуя против всеобъемлющей серьезности маразма, поэт каждую минуту бытия рассматривает через призму иронического восприятия.

Ироничным взглядом отмечена также авторская проекция современности в будущее. Поэтическое сознание высмеивает формальность, усредненность, бесцельность, царящие в жизни и определяющие миропонимание новой генерации. Объектом иронического осмысления становятся факты из жизни страны, как например, переименование милиции в полицию: «Перекрасят ментов в полицаев, И начнётся житуха – зергут... Не возьмут на дорогах ни драхмы, Не обидят и комара, Потому что, конечно, жандармы Поприличнее, чем мусора.» Автор посмеивается над ситуацией, используя ироническое утверждение от противного: «Есть у слова волшебная сила: Если правильный знаешь глагол, Коротышке ты скажешь – верзила, И сдавай его в баскетбол.» Но вот накал нарастает, и интеллигентская ирония сменяется насмешкой, имеющей универсальную социальную направленность: «И теперь-то всё будет в ажуре, Заживём теперь не греша, Как в банановом Сингапуре, Как в обамавой США». Замечательно значима параллель «банановом – обамавой», объединенные общим признаком – «ажуром».

В этом тайном карнавальном действе есть магическая подоплека: глубиной мысли, силой иронического осмысления искать пути к выходу, быть вольтерьянцем в обществе, где негласно признанной идеологией стал постмодернизм, искореняющий здравомыслие и желание осмотреться и критически оценить время, людей, эпоху. А она совсем не безобидна. Человека воспитывают как потребителя. Он уже не имеет ни времени, ни желания, ни культурной привычки созерцать себя, природу, мир в их естественном бытийном состоянии. Представление о мире большинства людей строятся на готовых формулах, истинность которых разучились проверять. Рядовые граждане, коих пресловутое «большинство», не имеют полноценного мировоззрения. Картина мира у них не переходит границы обыденного сознания, не создает цельных и законченных концепций человека и мира и «принимает формы не мировоззрения, а мироощущения, которое складывается стихийно, вследствие непосредственных жизненных впечатлений и в процессе практического освоения мира» [1, с. 59–60], который для многих замыкается на узком круге каждодневного бытия. Человеческое сознание довольствуется тем, что ему предлагают заангажированные СМИ, и строит картину мира, которая приобретает характеристики вторичности и неадекватности.

Постмодернистская эпоха презрела классические идеалы о добре, справедливости, совести и отказалась от восприятия какой-либо дидактики как таковой. Манипулирование общественным представлением об окружающем мире – главная угроза грядущих времен. Философские и эстетические понятия переводятся на рельсы всеобъемлющей удобной

идеологии. Идеалы постмодернизма создали себе прочную основу в виде низкопробных кинокартин, фильмов ужасов с бесконечной чередой насилий и убийств, экспозиций бессюжетных инсталляций и перформансов. В постмодернизме происходит синтез высокого и низкого, нивелируется разделение культуры на элитарную и массовую. Постмодернизм противопоставляет себя высокому «застывшему» модернизму, провозглашает апофеоз освобождения инстинктов, создание «нового Эдема секса, телесности, «рая немедленно» [4, с. 161]. Когда по выходе из музея Сальвадора Дали в Испании посетителям предлагают булочки в форме кучки экскрементов – некий этюд на тему «насущенные интересы творца», – то не знаешь, как реагировать на такую «гастрономическую» проверку художественных вкусов: смеяться, плакать или... купить и съесть – по крайней мере, будет что рассказать знакомым. Но есть еще один путь – попытаться копнуть вглубь: а не намек ли это на ироническую подоплеку всего творчества С. Дали: публика – дура, по выражению одного молодого гида, проглотит все, что ни дай. И тогда эта булочка, вернее, ее критико-ироническое восприятие, как ни парадоксально это звучит, – сигнал того, что свет в конце туннеля может появиться; это произойдет тогда, когда сила иронического сопротивления одолеет инерцию обыденного мышления.

Наиболее сильные личности, как правило, из круга творческих, осознавая трагичность ситуации, имеют эту силу внутреннего сопротивления, которая и проявляется как ироническая составляющая их творчества. Фактически, ирония – это способность сознания контролировать свое место в мире; именно она, будучи результатом активного и действенного наблюдения, выступает как инструмент сопротивления тотальному поп-арту и постмодернистской философии бытия. Вот пример, подтверждающий сказанное: «Без пафоса эпос, герой без судьбы – такая нелепость – без Бога псалмы. Улисс без Эллады, без Трои Ахилл, без боя солдаты идут до могил. Смешная картинка – мультяшный герой заводит пластинку, становится мной и жизнь примеряет с чужого плеча и в ней козыряет важней калача. А я в тёмном зале сижу и туплю – меня обокрали, а я будто сплю, а надо бы строго мне топнуть ногой: «Меня там не много – там кто-то другой!» Но только смеётся сосед мой в кулак: «Мэрлин отдаётся – И та – за пятак! А ты строишь цацу, устроил дебош! Всё это до разу – смотри, огребёшь! Возьми свой портфельчик, пальто не забудь, и в баре коктейльчик – грамм двести на грудь прими, и отлично, и дальше пиши, как в школе отличник: жи- ши- – через и» [3]. Как видим, развитое художественное сознание пытается объективно оценить место человека в мире, адекватно почувствовать и

понять окружение, иронически, хотя и с оттенком горечи, оценить ситуацию. Ирония – это конечный момент критически направленных ментальных действий, и ее действенной стороной является сознательный импульс к поиску решения. Именно личностная реакция автора на то, что «его обокрали» – в идейном смысле, – является предметом поэтического внимания и иронической интерпретации, и именно она ведет читателя к критическим выводам.

Творчество, плодотворной почкой которого есть ирония, – это интеллектуальная игра, направленная на то, чтобы разбудить другое сознание, побудить читателя подняться на уровень выше – от обычного восприятия к более обобщенной картине мира, к более глубокому его пониманию. Но, к сожалению, часто призыв поэта не достигает цели вследствие того, что публику отвлекают на другие цели и наступает «сон разума». И тогда интеллектуальный «дебош», устроенный сознанием поэта против навязывания чужой роли, становится исключением, а не правилом. Отсюда – привкус растерянности, который чувствуется в этом стихе.

Выводы. Постмодернистская поэтика пытается отпеть себя достойно и, кажется, даже наметить некие штрихи возрождения и возвращения к осмыслению новой эпохи. Былые идеалы оказываются весьма шаткими и заслуживают внимания в ироничном преломлении. События в обществе – прямое тому доказательство. Очень хочется чего-то лучшего; вопрос – чего? Одно понятно: победят маразм те, кто признает его как маразм. И назовет маразмом. Если так, то свет в конце туннеля может появиться.

Напоследок – удивительное открытие «в тему», открытие, подводящее черту аксиологическим изысканиям в пространстве современного поэтического дискурса. Музыкальная группа ЧАЙФ спел вам в интернете песню «Сибирский тракт» из альбома «Оранжевое настроение» [5]. Неизвестно, знаком ли автор В. Шахрин с кем-либо из одноименного поэтического объединения. Однако удивительным образом усилиями творца этот «Сибирский тракт» на наших глазах превращается-таки – выше нами была попытка сделать это – в развернутую ироническую, с элементами китча, метафору состояния сознания в современном обществе, со всеми его болезнями, исканиями, проблемами и тем самым светом в конце туннеля, на который мы надеемся.

Сибирский тракт, восьмой километр.

Вот он этот дом, всё, я приехал.

Уверенным шагом войду к врачу.

Скажу, что жить так больше не могу и не хочу.

Ну же, да не панк, ну же, да не металлист,

Не комсомолец, не гомосексуалист.

Я просто копаюсь в грязи на Сибирском тракте.

Врач выгнал меня, он сказал: «Ты, брат, в полном порядке».

Сибирский тракт, зайти бы в трактир.

Но в трактире грязь и на морозе сортир.

А в сортире всё в дерьме, а в стене дыра.

Я вижу там голую попу с наколкой «Ура!»

Сибирский тракт, свет фонаря.

Я успокоился, день прожит не зря.

Я понял, что жить и так тоже можно.

Всё, что мы имеем, так мало, но зато так надёжно.

Список использованной литературы

1. Есин А. Б. Введение в культурологию. Основные понятия культурологии в систематическом изложении. – М.: Академия, 1999. – 216 с.
2. Крюгер М. Рассказ почтальона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/5/n2-pr.html>.
3. Липатов Д. Дом Астериона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vinsentvega.livejournal.com/51777.html>. (Accessed 22.04.14)
4. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
5. ЧАЙФ. Сибирский тракт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chaif.ru/diskografija/oranzhevoe_nastroenie/sibirskij_trakt (Accessed 22.04.14)

Алла Полякова

ИРОНИЯ ЯК АКСІОЛОГІЧНА СКЛАДОВА СУЧАСНОГО ПОЕТИЧНОГО ДИСКУРСУ

(на матеріалі поетичного об'єднання «Сибірський тракт»)

Стаття присвячена аналізу сучасного стану поетичного дискурсу. На прикладі творчості представника об'єднання «Сибірський тракт» Д. Липатова показані прояви стану творчої свідомості в умовах кризи постмодерністської ідеології. Робиться висновок про те, що можливим рішенням внутрішнього розлому свідомості є розуміння буття як трансцендентності станів екзистенції, а себе і світу – як об'єкту іронічного спостереження. Іронія трактується як аксіологічний інструмент літературної практики

Ключові слова: іронічне спостереження, криза свідомості, пошук рішення.

Alla Poliakova

IRONY AS AXIOLOGICAL COMPONENT OF MODERN POETICAL DISCOURSE

(On the material of poetic association «Siberian Road»)

The article analyzes the actual state of poetical discourse. States of creative consciousness in the conditions of a crisis of postmodern ideology are showed on the example of art association «Siberian Road» and its member D. Lipatov.

Manifestations of real state of society and human consciousness as a subject of poetic attention are showed. The poet describes the modern picture of the world, which gets now the characteristics of minor importance and inadequacy, and realizing the tragedy of the situation, he looks for the powers of internal resistance, which manifests itself as an ironic component of his creative work.

In fact, the irony is the result of active and efficient surveillance, it acts as a tool of resistance to total pop-art and post-modern philosophy of life and becomes the ability to control the consciousness in the world which loses his identity and where the life is based on ready-made formulas.

The irony is considered as the final moment of the critical mental actions, and its effective strength is conscious impulse to the search of the possible future way. It is concluded that a possible solution of the internal fracture of consciousness is the understanding of life as a transcendent state of existence, and himself in this world as an object of ironic contemplation. The irony is considered as an axiological tool of literary practice.

Keywords: crisis of consciousness, search of solutions, ironic contemplation.

References

1. Yesyn A. B. (1999) Vvedeniye v kulturologiyu. Osnovniye poniatiya kulturilogiyi v sistematicheskoy izlozhenii [Introduction to cultural studies. Essential concepts of cultural studies in a systematic exposition]. Moscow, Academy, 216 p.
2. Kruger M. [The story of the postman]. *Rasskaz pochtyona* (In Russ.) Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/5/n2-pr.html> (Accessed 22.04.14)
3. Lipatov D. [Asterion house]. Dom Asteriona, 2014. (In Russ.) Available at: <http://vinsentvega.livejournal.com/51777.html>. (Accessed 22.04.14)
4. Man'kovskaya N. B. (2000) Estetika postmoderna [Postmodern aesthetics]. – SPb, Aletheia, 347 p.
5. CHAIF. [Siberian Roud]. Sibirskiy trakt (In Russ.) Available at: http://www.chaif.ru/diskografiya/oranzhevoe_nastroenie/sibirskij_trakt (Accessed 22.04.14)

Розділ 3.

ФОРМИ СМІХУ В МИСТЕЦТВІ ТА СОЦІУМУ